

$\gamma \frac{90}{304}$

1899

Д. Н. Анунъ.

О КУЛЬТУРЪ
КОСТРОМСКИХЪ КУРГАНОВЪ

И ОСОБЕННО О НАХОДИМЫХЪ ВЪ НИХЪ

УКРАШЕНІЯХЪ И РЕЛИГИОЗНЫХЪ СИМВОЛАХЪ.

СЪ 6-Ю ТАБЛИЦАМИ.

Изъ „Матеріаловъ по археологій восточныхъ губерній“, издаваемыхъ ИМПЕРАТОРСКИМЪ Московскимъ Археологическимъ Обществомъ, т. 8.

МОСКВА.

Тянографіи И. И. Шарпова (бывш. М. Г. Волчанцова), Кудрявская улица, домъ Киръевой.
1899.

О культурѣ костромскихъ кургановъ и особенно о находимыхъ въ нихъ украшеніяхъ и религіозныхъ символахъ.

Въ 1895 г. Моск. Археолог. Общество воспользовалось предложеніемъ своего сочлена Ф. Д. Нефедова для произведенія раскопокъ кургановъ въ Костромской губ. Эти раскопки были продолжены Ф. Д. Нефедовымъ лѣтомъ 1896 г., отчасти на средства Общества, отчасти на свои собственные, причемъ онъ принесъ въ даръ Обществу всѣ добытыя имъ изъ могилъ древности, а равно представилъ подробные журналы своихъ раскопокъ, напечатанныя въ настоящемъ томѣ. Произведенныя раскопки однако настолько интересны, сопровождались находками столь многихъ любопытныхъ древностей, что невольно наводятъ на мысль обобщить полученные результаты и въ особенности остановиться на нѣкоторыхъ категоріяхъ найденныхъ предметовъ, обращающихъ на себя особое вниманіе въ смыслѣ характеристики культуры данной эпохи.

Труды Ф. Д. Нефедова выразились въ раскопкѣ 542 кургановъ,—число весьма достаточное для ознакомленія съ этимъ типомъ древнихъ погребеній въ одной губерніи. Правда, мы имѣемъ примѣры значительно болѣе обширнаго изслѣдованія курганныхъ группъ; гр. А. С. Уваровымъ съ помощниками было раскопано, напр., 7729 кургановъ, приписываемыхъ мерянамъ, во Владимірской и Ярославской губерніяхъ; Л. К. Ивановскимъ вскрыто до 5800 кургановъ въ нѣсколькихъ уѣздахъ Петербургской губерніи; но слѣдуетъ замѣтить, что во всѣхъ этихъ случаяхъ раскопки производились въ теченіе десятка лѣтъ, стояли много большихъ средствъ и охватывали (особенно по отношенію къ мерянскимъ курганамъ) значительно большій районъ. Изслѣдованія же г. Нефедова продолжались только два года (они были, впрочемъ, нѣсколько пополнены лѣтомъ 1898 г.) и ограничивались только тремя юго-западными уѣздами губерніи, именно Костромскимъ, Нерехотскимъ и Кившемскимъ, прилегающими къ Волгѣ и сосѣдними съ Ярославской и Владимірской губерніями (раскопки захватили немного еще Буйскій уѣздъ). Эти уѣзды составляютъ только одну четвертую часть губерніи (всѣхъ уѣздовъ въ ней, какъ извѣстно, 12), а по занимаемой ими площади даже одну восьмую. Для такой болѣе ограниченной территоріи—542 кургана представляютъ, относительно, крупную цифру.

Но мнѣ удалось еще пополнить данныя, собранныя Ф. Д. Нефедовымъ, результатами раскопокъ, произведенныхъ членами Костромской Ученой Архивной Коммиссіи. Благодаря любезному вниманію предсѣдателя Коммиссіи, статсъ-секретаря д. т. с.

Н. П. Селяфонта и перемѣннаго члена Коммисіи Н. М. Бекаревича, я могъ получить для просмотра не только печатные журналы засѣданій Коммисіи, въ которыхъ заключаются отчеты о раскопкахъ, но также рукописный отчетъ о раскопкахъ 1898 г., 15 таблицъ фотографій съ найденныхъ вещей и въ которое число подлинныхъ, болѣе рѣдкихъ или оригинальныхъ предметовъ. Такъ какъ курганныя раскопки производились Коммисіей тоже, по преимуществу, въ Костромскомъ уѣздѣ и отчасти еще въ Макарьевскомъ, то въ общемъ онѣ значительно дополняютъ результаты изслѣдованій г. Нефедова. Всего, съ 1894 г. по 1898 включительно, изслѣдовано Коммисіей 109 курганныхъ группъ при 75 селеніяхъ, и въ нихъ вскрыто 1128 кургановъ. Присоединяя эту цифру къ числу изслѣдованныхъ г. Нефедовымъ, получаемъ всего 1670 кургановъ. Къ сожалѣнію, подробные журналы раскопокъ Коммисіи опубликованы лишь для курганныхъ группъ, изслѣдованныхъ въ 1894 г., и мы можемъ пользоваться результатами изслѣдованій Коммисіи, главнымъ образомъ, по отношенію къ общимъ признакамъ погребеній и (пользуясь фотографіями и отчасти подлинными вещами) къ варіаціямъ формъ болѣе характерныхъ категорій предметовъ.

Курганы въ данной мѣстности расположены группами по верхнимъ террасамъ (вторымъ берегамъ) Волги, ея притоковъ, а также и высохшихъ уже теперь овраговъ, на возвышенныхъ мѣстахъ, поросшихъ часто кустарникомъ или лѣсомъ пустошахъ. Группы—обыкновенно не большія, отъ 2—30, иногда до 40—50, въ рѣдкихъ случаяхъ до 60—70 кургановъ. Многіе курганы, впрочемъ, оказываются распаханными или испорченными кладоскателями. Малое число кургановъ въ группахъ вызвало у г. Бекаревича предположеніе, что курганы эти насыпались населеніемъ (мерею), вытѣсненнымъ сюда славянами изъ-подъ Суздаля, Владимира, Ростова и т. д. и селившимся семьями, которыя впоследствии вымарали или переходили на другія мѣста.

Курганы имѣютъ форму полушаровидную (сopка), болѣе или менѣе расплывчатую или усѣченно-конусообразную, высотой обыкновенно отъ 0,25 до 0,50 метра, рѣже до 2 или до 3 метр. Иногда кругомъ кургановъ замѣчаются слѣды вынудой земли, канава, но иногда ея не замѣтно. Смотри по грунту мѣстности, курганы ссыпаны изъ глины, суглинка, песка; многіе, кромѣ того, обложены при основаніи (или даже по окружности) камнями (крупными валунами).

Въ насыпяхъ часто встрѣчаются, въ большемъ или меньшемъ количествѣ, угли, иногда съ примѣсью черенковъ. Не рѣдки бывали случаи, когда раскопка кургана не давала никакихъ вещей, иногда даже никакого слѣда погребенія, но большею частью и въ такихъ „пустыхъ“ курганахъ попадались слѣды истлѣвшихъ костей, угли или черенки. Впрочемъ, въ Буйскомъ уѣздѣ встрѣтилась одна группа, въ которой десятокъ и болѣе раскопанныхъ кургановъ не указали никакихъ слѣдовъ погребенія. Остатки углей въ насыпи встрѣтились, въ раскопкахъ Нефедова, почти въ трети всего числа кургановъ (въ иныхъ случаяхъ они могли, впрочемъ, и не обратитъ на себя вниманія). Это присутствіе углей вовсе не указываетъ на трупоожженіе, слѣды котораго однако также встрѣчаются, хотя и очень рѣдко. Изъ 413 кургановъ, давшихъ явственные слѣды погребеній, трупоожженіе могло бы быть обнаружено только въ 8-ми, слѣд. менѣе, чѣмъ въ 2%. Въ раскопкахъ членовъ Архивной коммисіи оно встрѣчено было,

повидимому, относительно еще рѣже. По словамъ Нефедова, въ такихъ курганахъ со слѣдами трупосожженія оказывается толстый слой угля и золы, съ остатками обгорѣлаго дерева, иногда также остатками жженныхъ костей и немногими, выказывающими слѣды огня вещами. Въ двухъ случаяхъ можно было констатировать, что умершій былъ сожженъ въ лодкѣ: именно въ одномъ случаѣ на материкѣ оказалась часть обугленного кила лодки, а въ другомъ тоже остатки лодки, какъ это признали и копавшіе рабочіе, изъ коихъ одинъ былъ лодочный мастеръ. Еще въ одномъ случаѣ, среди слоя угля, золы и обломковъ жженаго дерева можно было распознать загнутыя головежки полозьевъ отъ саней. Факты эти позволяютъ заключить, что умершаго иногда сожигали въ лодкѣ, а иногда на саняхъ. Изъ вещей въ моглахъ съ трупосожженіемъ иногда не оказывалось ничего, но большей частью удавалось находить нѣкоторые предметы. Такъ, въ двухъ такихъ курганахъ были найдены г. Нефедовымъ по три большихъ, какъ онъ ихъ называетъ—„сливовидныхъ“, бусъ темнаго цвѣта, сморщенныхъ, пострадавшихъ отъ огня; въ другомъ случаѣ оказался сильно пережженный диргемъ X вѣка, серебряный перстень съ большою печатью, украшенною изображеніемъ летящаго голубя, и черный камешекъ, какъ будто съ какимъ-то изображеніемъ; въ третьемъ нашлись части стекляннаго (темнаго); съ поперечными легкими зарубками, браслета (въ могиллахъ съ погребеніями такихъ, повидимому, не находили); еще въ одномъ—остатки какого-то толстаго, пережженаго серебрянаго украшенія (повидимому—лунницы изъ хорошаго серебра съ зернью). Въ громадномъ большинствѣ случаевъ курганы заключаютъ въ себѣ однако погребенія и притомъ въ вытянутомъ положеніи. Впрочемъ, въ немногихъ (4—5) случаяхъ встрѣтилось г. Нефедову и положеніе сидячее или, можетъ быть, на колѣняхъ или корточкахъ, судя по расположенію костей, причемъ въ одномъ случаѣ могила оказалась на 1 метръ ниже материка и обложенная кругомъ гладкими плитами *). Изъ вещей въ такихъ моглахъ или не находилось ничего, или же эти вещи не отличались отъ обычныхъ въ другихъ курганахъ. Такъ, въ одной могилѣ былъ найденъ желѣзный пожикъ и топоръ, въ другой—ножъ, бронзовый перстенецъ и бронзовое колечко у головы. Можно думать однако, что эти могилы относятся къ болѣе древней эпохѣ; во всякомъ случаѣ, при погребеніи здѣсь пользовались, повидимому, болѣе древнимъ ритуаломъ.

Обыкновенно же, какъ сказано, умершій погребался въ вытянутомъ положеніи, на спинѣ и на уровнѣ материка; въ рѣдкихъ случаяхъ немного выше или ниже. (Въ одномъ—двухъ случаяхъ встрѣчено было, впрочемъ, изогнутое положеніе тѣла, на боку). Подъ умершимъ въ головахъ, иногда и подъ туловищемъ встрѣчался слой золы и угольковъ; случалось также, что голова лежала нѣсколько выше туловища. Преобладающее направленіе костяковъ было головою на западъ, погами на востокъ. Изъ 413 кургановъ съ явственными остатками костяка, раскопанныхъ г. Нефедовымъ,

*) Въ Самарской губ., близъ ст. Сорочинской, г. Нефедовымъ былъ вскрытъ одинъ большой курганъ, въ которомъ подъ большимъ числомъ каменныхъ плитъ и на значительной глубинѣ оказался родъ дольмена изъ четырехъ вертикально стоящихъ плитъ, прикрытыхъ горизонтальною плитою, и въ этомъ каменномъ ящикѣ—костякъ, расположеніе костей котораго указывало на погребеніе въ сидячемъ положеніи или на корточкахъ. Изъ вещей нашлась при немъ лишь одна бронзовая пряжка.

это направление было констатировано въ 217; затѣмъ часто встрѣчалось также положеніе головою на юго-западъ (82 случая) и на сѣверо-западъ (45 случаевъ); такимъ образомъ, западное положеніе встрѣтилось въ 83% всѣхъ случаевъ. Попадались однако и другія положенія: головою на востокъ и юго-востокъ (24 сл.), на югъ (3), на сѣверъ (5); въ нѣкоторыхъ случаяхъ, наконецъ, положеніе осталось невыясненнымъ или неотмѣченнымъ.

Обыкновенно подъ курганомъ оказывается одинъ костякъ, но встрѣчались рѣдкіе случаи (какъ въ раскопкахъ г. Нефедова, такъ и Костр. Арх. Коммиссіи), когда въ курганѣ находили два и даже три костяка. Иногда такой добавочный костякъ былъ дѣтскій и оказывался въ верхней части кургана, на 0,5—1,0 м. выше вырослага (повидимому—женскаго) скелета; такихъ случаевъ встрѣтилось г. Нефедову два. Иногда же оба скелета принадлежали взрослымъ особямъ и лежали рядомъ, причемъ одинъ, очевидно, былъ мужскимъ, а другой женскимъ. Г. Нефедовъ описываетъ три такихъ случая. Въ одномъ, на пустоши Суховаровкѣ, Нерехотскаго уѣзда, на материкѣ оказались два костяка, головою на западъ; правый, мужской, былъ крупнѣе и лѣвая рука его была подведена подъ правую руку лѣваго скелета; ноги обоихъ, лѣвая мужскаго и правая женскаго скелета, также заходили одна за другую; лица были нѣсколько повернуты взаимно. Другой случай оказался въ курганѣ на пустоши Алабугѣ того же уѣзда; здѣсь также правая рука меньшаго (женскаго) скелета лежала на лѣвой рукѣ мужскаго и нога одного была закинута на ногу другого. Въ третьемъ случаѣ, на п. Сидѣльницѣ, одинъ курганъ оказался даже съ тремя костяками, лежащими рядомъ. Средній костякъ былъ большого роста, 184 с., очевидно мужской, что видно было и изъ сопровождавшихъ его вещей (топора, огнива, кремня); по правую сторону отъ него лежалъ скелетъ, очевидно женскій (ростомъ 159 сант.); правая рука его была положена на грудь, лѣвая—на лицо; наконецъ, по лѣвую сторону лежалъ костякъ молодой особи (лѣтъ 10—12), ростомъ въ 145 с. При раскопкахъ членовъ Архивной Коммиссіи были найдены однажды рядомъ въ одномъ курганѣ два женскихъ костяка. Какъ объяснить подобные случаи совмѣстнаго погребенія—одновременно ли естественною смертью особей, или насильственною (вольною или невольною) одного изъ субъектовъ, или послѣдующимъ разрытіемъ кургана для новаго погребенія—ни г. Нефедовъ, ни Арх. Коммиссія не берутъ на себя дать удовлетворительное объясненіе. Замѣтимъ, что подобные случаи совмѣстнаго погребенія указываются и другими изслѣдователями, напр. въ мерянскихъ курганахъ гр. Уваровымъ и въ курганахъ Петерб. губ. ген. Бранденбургомъ.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ, однако, курганъ насыпался надъ однимъ умершимъ, котораго клали одѣтымъ, обутымъ и въ головномъ уборѣ, причемъ рукамъ умершаго давалось различное положеніе. Иногда обѣ руки вытянуты вдоль туловища, иногда, наоборотъ, обѣ сложены на груди, на животѣ, или на лобкѣ, иногда одна рука вытянута вдоль, другая положена на грудь (и притомъ иногда лѣвая, иногда—правая); въ исключительныхъ случаяхъ одна рука (или даже обѣ) оказывались поднятыми кверху или положенными на щеку. Обыкновенно въ головахъ покойнаго, но иногда, въ ногахъ или даже сбоку, ставились горшки. Цѣльные горшки, встрѣчаются, впрочемъ,

рѣдко, обыкновенно только черепки; да и сохранившіеся, по словамъ Нефедова, при вынутіи почти всегда распадаются, вслѣдствіе ихъ плохого матеріала. Архивная Комиссія была въ этомъ отношеніи счастливѣе, и на ея таблицахъ можно видѣть нѣсколько вполнѣ сохранившихся горшковъ. Формою они или округленные (съ выпуклымъ дномъ и прямымъ горломъ), или, чаще, ввидѣ небольшихъ чугуновъ (одинъ, впрочемъ, вмѣстимостью съ ведро) или современныхъ горшковъ, съ плоскимъ дномъ, сдѣланномъ отъ руки или на гончарномъ станкѣ; на днѣ нѣкоторыхъ горшковъ, добытыхъ раскопками членовъ Архивной Комиссіи, оказались выпуклыя клейма (ввидѣ креста, заключеннаго въ квадратъ, звѣзды въ кругѣ, ромба съ діагоналями и т. п.). Обжигъ горшковъ, плохой, матеріалъ тоже, съ примѣсью песка или битыхъ рѣчныхъ раковинъ. Орнамента или пѣтъ, или онъ состоитъ изъ немногихъ вдавленныхъ, параллельныхъ (идущихъ кругомъ), прямыхъ или волнистыхъ линий, рѣже еще съ поперечными или косыми между ними черточками. Въ горшкахъ, вѣроятно, ставилась пища; такъ можно заключить изъ того, что иногда на нихъ видны слѣды покрывавшей ихъ бересты (очевидно для того, чтобы въ горшокъ не попала земля). Лѣтомъ 1898 г. членамъ Архивной Комиссіи удалось найти несомнѣнное тому подтвержденіе въ одномъ курганѣ близъ д. Исаева, Грузинской вол., Костромскаго уѣзда. Здѣсь горшокъ былъ найденъ на глубинѣ 50 сант. въ западной части кургана, выше костяка, лежавшаго на глубинѣ 95 сант. и оказавшагося значительно истлѣвшимъ, безъ всякихъ при ней вещей. Слѣпленный изъ слабообожженной глины съ примѣсью хряща, неравнобокій, сдѣланный, что называется, на скорую руку, горшокъ этотъ походитъ на обыкновенный русскій кашникъ, только съ болѣе широкимъ отверстіемъ, и украшенъ вдоль верхняго края двумя параллельными вдавленными линиями. Онъ былъ покрытъ другимъ горшкомъ, или вѣрнѣе, нижней половиной другого горшка, слѣпленного и обожженного лучше. Благодаря покрывкѣ, содержимое горшка отчасти сохранилось, и въ немъ можно было различить кости щуки и яичную скорлупу, можетъ быть, какъ полагаетъ Бекаревичъ, отъ яицъ дикихъ утокъ, водившихся, вѣроятно, тогда въ изобиліи въ ближайшей рѣчкѣ Покшѣ.

Г. Нефедовъ представляетъ себѣ обычный типъ погребенія въ изслѣдованныхъ имъ курганахъ въ такомъ видѣ. Умершій полагался на материкъ, посыпанный золою и углями; въ головахъ или ногахъ его ставили горшокъ съ пищею; послѣ этого тѣло засыпали слегка землею, по которой разбрасывали тоже угли; хотя рѣдко, но попадались еще въ ногахъ костяка кости овцы или быка; наконецъ, окончательно засыпали землей, бросая иногда также угли, и возводили всю насыпь. Кромѣ того, часто надъ покойникомъ, на нѣкоторой высотѣ (отъ 15 до 30 сант. по средней линіи), дѣлали заливку сводомъ, изъ песку, глины и извести; въ журналахъ г. Нефедова о такой заливкѣ упоминается въ 72 случаяхъ, т. е. въ 17,5⁰/₀; иногда она дѣлалась только надъ головою и грудью, иногда надъ всѣмъ тѣломъ. Повидимому, такая заливка служила замѣною склепа, дѣлавшагося, вѣроятно, нѣкогда изъ известковыхъ плитъ. Кости животныхъ и угли встрѣчались какъ на материкѣ, такъ и надъ заливкой, въ ногахъ. Когда такая заливка была окончательно готова, надъ ней уже насыпался курганъ. Съ подобной заливкой г. Нефедовъ встрѣчался ранѣе въ курганахъ Самарской губ., земли

Оренбургских казаковъ, Тургайской области, Уфимской губ. и въ могильникахъ на Камѣ. Тамъ верѣдко такая заливка приводила его въ недоумѣніе; казалось, дошли до материка, но твердость земли и ея особый цвѣтъ заставляли продолжать работу; послѣ нѣсколькихъ ударовъ кайломъ или ломомъ обнаруживался провалъ и дѣло объяснялось. Любопытно однако, что въ журналахъ Архивной Коммиссіи вовсе не упоминается о такой заливкѣ, за то указывается, что въ нѣкоторыхъ курганахъ находили остатки сосновыхъ колоды, обложешныхъ еще берестой. Кромѣ того, и члены Коммиссіи, и г. Нефедовъ встрѣчали иногда слѣды бересты, обертывавшей непосредственно трупу.

Костяки въ могилахъ оказывались, большею частью, плохо сохранившимися и въ значительной степени истлѣвшими. Изъ многихъ сотенъ кургановъ удалось извлечь лишь нѣсколько десятковъ цѣльныхъ череповъ, преобладающая форма коихъ долихо — и субдолихоцефальная. Что касается вещей, находимыхъ при костякахъ, то ихъ число и разнообразіе въ различныхъ курганахъ весьма различно. Иногда ихъ нѣтъ вовсе, или очень мало (только слѣды мѣди и ржавчины желѣза съ известковой трухой костей), иногда при одномъ костякѣ оказывается цѣлый рядъ предметовъ, особенно украшеній. Большимъ богатствомъ отличались погребенія въ нѣкоторыхъ одиночныхъ курганахъ, ссыпавшихъ поодоль отъ прочихъ въ данной группѣ. Вообще же, мужскія могилы бѣдиѣ вещами, хотя различеніе мужскихъ могилъ отъ женскихъ не всегда можетъ быть проводимо съ точностью, и въ журналахъ Коммиссіи полъ погребенныхъ большей частью даже не указывается. Г. Нефедовъ, однако, во многихъ случаяхъ отмѣчалъ длину костяка, и эти цифры даютъ часто возможность съ большею долею вѣроятности опредѣлять полъ погребенной особи.

Въ мужскихъ могилахъ не оказывается иногда никакихъ вещей, или только небольшая желѣзная пожикъ, у праваго или лѣваго бедра. Такіе пожики не составляютъ однако исключительной принадлежности мужскихъ могилъ и встрѣчаются также въ несомнѣнно женскихъ. Болѣе характерными признаками мужскихъ погребеній могутъ служить: желѣзное огниво и камень (чаще плохой) у праваго или лѣваго бедра, обыкновенно вмѣстѣ съ пожомъ, а иногда съ другими неопредѣленными желѣзками, и топоръ, обыкновенно въ ногахъ, или у бедра (праваго или рѣже — лѣваго). Пожъ, по видимому, правѣшпвался къ поясу, къ которому прикрѣплялись также, надо думать, въ какомъ-нибудь мѣшечкѣ, огниво и камень, а иногда еще брусокъ, костяной гребешекъ и различныя привѣски. Ножикъ носился большею частью въ деревянныхъ или кожаныхъ ножнахъ и былъ снабженъ деревянной или костяной рукояткой. Головной уборъ мужчинъ состоялъ изъ охватывающаго голову ремня, украшеннаго нѣсколькими бронзовыми проволочными колечками. Гѣло было прикрыто одеждой, на которую указываютъ, впрочемъ, лишь скудные остатки шерстяной или льняной ткани, иногда бронзовая пуговка на шеѣ, кольца на плечахъ и остатки кожаного или шерстяного (изъ широкой тесьмы) пояса съ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ или пряжкой. На ногахъ, во многихъ случаяхъ, оказывались остатки кожаной обуви, иногда съ мѣднымъ или желѣзнымъ кольцомъ у наружнаго мыщелка ноги. Изъ украшеній — встрѣчались бляхи, серебряныя диргемы, образки на груди, перстни и витыя кольца на пальцахъ рукъ, изрѣдка браслеты на запястьяхъ и серьги въ ухахъ, а равно привѣски въ формѣ

коньковъ или колокольчика съ цѣпочками и лапками на поясѣ *). Изъ орудій были еще находимы желѣзныя косы, желѣзные пробои съ кольцомъ, желѣзное долотце, крючокъ (рыболовный); а въ отчетахъ Архивной Коммиссiи упоминается также о желѣзной мотыгѣ, желѣзномъ молотѣ и двухъ желѣзныхъ булавахъ. Оружія было найдено очень мало. Нефедовъ встрѣтилъ только въ одномъ случаѣ желѣзную стрѣлку. Раскопки Археолог. Коммиссiи доставили нѣсколько наконечниковъ копій и стрѣлъ и нѣсколько топоровъ съ расширеннымъ лезвиемъ, служившихъ, можетъ быть, боевыми съкирами. Мечей или сабель не найдено вовсе, равно какъ никакихъ слѣдовъ луковъ, щитовъ, кольчуги, шлема, удила. Населеніе было, повидимому мирное, занимавшееся охотою (въ раскопкахъ Арх. Коммиссiи было найдено нѣсколько клыковъ и костей медвѣдя), рыболовствомъ, пчеловодствомъ (нѣкоторые ножи указываютъ, повидимому, на ихъ приспособленіе для подрѣзанія сотовъ), скотоводствомъ (шерстяная ткань, кости овцы и быка; желѣзныя ножницы для стрижки овецъ и косы-горбуши въ раскопкахъ Арх. Коммиссiи) и земледѣліемъ (серпы).

Женскія могилы отличаются, въ общемъ, большимъ богатствомъ и разнообразіемъ предметовъ, хотя, конечно, рядомъ съ могилами, богаче обставленными, встрѣчаются и очень бѣдныя. Голову женщинъ покрывалъ уборъ, состоящій изъ лубка или бересты и обшивавшійся, вѣроятно, какою-нибудь матеріей, или изъ кожи. Въ томъ и другомъ случаѣ, по убору, начиная отъ ушей и кончая серединою лба, прикрѣплялись бронзовые и серебряныя, проводочныя кольца, различной величины, въ числѣ отъ 2 до 9—12 на каждой сторонѣ, и именно около ушей и на вискахъ самыя крупныя, а на лбу небольшія; передній край головного убора украшался также иногда узкимъ галуномъ или позументомъ. Въ одномъ случаѣ на лбу оказалась полоска бересты съ прикрѣпленными къ ней поперекъ продолговатыми, серебряными и вызолоченными пластинками (сохранилось 13), украшенными разноцвѣтною эмалью въ формѣ кружковъ и крестиковъ. На шеѣ носились бусы (чаще, впрочемъ, въ небольшомъ числѣ—3, 5, 8, рѣже 10—12 и еще рѣже до 100)—изъ пасты, стекла, сердолика, янтара, бронзы—различной величины и формы, иногда бронзовыя или серебряныя гривны, ожерелья изъ металлическихъ костыльковъ, металлическихъ цѣпочки съ различными медальонами, крестиками и т. д. Кромѣ того, на шеѣ и ниже на груди встрѣчались бронзовыя пуговицы (до трехъ по средней линіи) и бубенчики, лушпицы, серебряныя диргеми (обыкновенно съ приклепанными къ нимъ мѣдными ушками, привѣски съ изображеніемъ коньковъ, пѣтушковъ, уточекъ и т. д., или въ видѣ усѣченнаго конуса, обыкновенно съ лапками или бубенчиками на цѣпочкахъ, также разныя прорѣзныя круглыя или треугольныя бляшки, парные коньки, игольники, пряжки, какіе-то камешки и т. д. На плечахъ попадались большія бронзовыя и серебряныя кольца, зажгутованныя въ мѣстахъ соединенія, а также литыя, плоскія, бронзовыя кольца. Въ ушахъ встрѣчались

*) О носеніи женскихъ украшеній мужчинами свидѣтельствуютъ повидимому, такіе случаи: 1) костякъ длиною 185 с. (очень высокаго роста), въ ногахъ топоръ, на лѣвой рукѣ браслетъ. 2) Костякъ длиною 188 с.; около ушей серьги, на правомъ плечѣ бронзовое кольцо, на пальцахъ правой и лѣвой руки по два перстня, на лѣвой рукѣ браслетъ, у лѣваго бедра ножъ въ деревянныхъ ножнахъ, на спинѣ (?) 12 бусъ и образокъ, у пояса слѣва конекъ и привѣска колокольчикомъ, а справа образокъ и крестъ.

сережки, обыкновенно изъ проволочныхъ колець, съ надѣтыми на нихъ бусами, серебряными шариками, образками, лунницами, иногда и другихъ формъ. На запястьяхъ рукъ, а иногда и выше, носились бронзовые браслеты (рѣдко стеклянные или желѣзные), литые или пластинчатые (листовые), или изъ перевитой проволоки, а на пальцахъ (особенно на безымянномъ) перстни и кольца. За спиной оказывались иногда остатки косы (обыкновенно черной или темнорусой—каштановой), къ которой, кажется, иногда тоже прикрѣплялись разныя привѣски. Платье (отъ котораго иногда сохранились маленькіе лоскутки), охватывалось, повидимому, поясомъ, стягивавшимся помощью кольца или пряжки, и къ которому, на ремешкахъ, шерстяныхъ шнуркахъ или цѣпочкахъ, прикрѣплялись бронзовыя фигурки коньковъ, уточекъ, привѣски колокольчикомъ, привѣски въ видѣ маленькыхъ ноженъ, трубочки и т. д. Вещи эти иногда оказывались заключенными въ кожаный или берестяной футляръ или завернутыми въ матерію. На ногахъ находили остатки кожи отъ башмаковъ, а у наружнаго мыщелка ноги бронзовое или желѣзное кольцо.

Сопоставленіе вещей показываетъ, что однѣ изъ нихъ (какъ, напрѣмѣръ, желѣзныя и многія изъ мѣдныхъ или бронзовыхъ, вродѣ височныхъ, ручныхъ и поясныхъ колець, пряжекъ, даже браслетовъ, бляшекъ и привѣсокъ) отличаются сравнительно простою и грубою работою и производились, надо думать, на мѣстахъ. Г. Нефедовъ указываетъ на то, что и теперь еще въ двухъ волостяхъ Костромского и Нерехотскаго уѣздовъ, особенно въ селахъ Красномъ и Сидоровскомъ, лежащихъ насупротивъ одно съ другимъ, на правомъ и лѣвомъ берегахъ Волги, существуетъ съ незапамятныхъ временъ кустарное производство серебряныхъ и мѣдныхъ вещей, какъ-то сережекъ, браслетовъ, перстней, колець, крестиковъ и т. д. Но рядомъ съ такими, болѣе простыми издѣліями въ курганахъ встрѣчаются многіе предметы болѣе совершенной работы и, судя по ихъ типамъ и формѣ, несомнѣнно, привозные. Къ числу такихъ относятся, кромѣ серебряныхъ монетъ (диргемовъ) и разнообразныхъ бусъ, также и вообще издѣлія изъ хорошаго серебра или съ золотою накладкой и эмалью, серебряныя лунницы съ зернью, золотой галуны, многочисленныя мѣдныя крестики и образки, своеобразныя сережки съ крестиками, тремя серебряными шариками и др., нѣкоторыя болѣе изящныя пряжки, серебряныя перстни съ узорчатою печатью, стеклянные браслеты и болѣе изящныя бронзовые, изъ мелкаго плетенья или филигранные, сложныя ажурныя и другія привѣски, игольники, бронзовыя ножны, литыя изображенія мнѣющихся животныхъ и т. д. Всѣ подобныя вещи указываютъ на довольно развитыя торговыя сношенія, на запасъ сюда произведеній промышленности Востока, Юга и Запада, что выясняется еще болѣе изъ подробнаго сравненія отдѣльныхъ категорій предметовъ. Находки монетъ позволяютъ опредѣлить преобладающую эпоху погребеній концомъ X-го и XI-мъ вѣками, хотя часть могилъ слѣдуетъ, можетъ быть, отнести къ нѣсколько болѣе древнему времени, а часть, по всей вѣроятности, заходить и въ XII-й вѣкъ. Но уже типичныхъ вещей XIII-го вѣка, судя по сравненію съ древностями той же эпохи изъ другихъ мѣстностей Россіи, здѣсь констатировать нельзя. Съ другой стороны, различія въ ритуалѣ погребеній (собственно погребеніе и трупосожженіе, нѣсколько случаевъ погребенія въ сидячемъ положеніи, неодинако-

вое положеніе костяка и т. д.) могут наводить на мысль о различіи встрѣчавшихся на данной территоріи народностей, хотя въ общемъ, если судить по вещамъ, культура населенія представляется довольно однородною.

Для лучшаго представленія о культурѣ слѣдуетъ однако остановиться на отдѣльныхъ категоріяхъ предметовъ. Что касается *жельзныхъ вещей*, то мы ограничимся лишь немногими замѣчаніями. *Ножи* имѣютъ въ длину (въ клинкѣ) отъ 5 до 12 сант.; они обыкновенно прямые (немногіе съ выпуклой, изогнутой спинкой), заостренные на концѣ, съ нѣскольکو выпуклымъ къ концу лезвиемъ. Рукоятка ихъ рѣдко костяная, чаще деревянная, иногда съ бронзовымъ ободкомъ при началѣ клинка. Въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи встрѣтился одинъ ножъ съ кольцомъ на концѣ и 1—2 съ утолщеніемъ на этомъ мѣстѣ. *Омива*—длиною отъ 8 до 13 сант.; они обыкновенно имѣютъ форму скатаго овала съ суженными или срѣзанными поперечно концами; въ срединѣ ихъ узкій прорѣзъ; найдено также 2—3 экземпляра особой формы (въ видѣ буквы „вѣдн“, какъ называетъ ихъ г. Спицынъ). *Жельзные кольца*—обыкновенно довольно толстыя, хотя небольшія въ діаметрѣ, находятся на поясѣ или у наружнаго мыщелка ноги. *Жельзные пряжки*—также толстыя, небольшія, съ иглою. *Топоры*—большею частью узкіе, съ небольшою вырѣзкой снизу, съ слегка выпуклымъ лезвиемъ, или постепенно расширяющіеся къ лезвію и съ двумя небольшими выступами, вверхъ и внизъ, на тыльѣ; рѣдко съ расширеннымъ, выпуклымъ лезвиемъ и съ суженною заднею частью; топоромъ мерянскаго типа съ большою вырѣзкой снизу или съ удлиненнымъ тыльемъ не найдено вовсе. *Наконечники копій* были встрѣчены лишь въ 2—3 экземплярахъ, въ раскопкахъ членовъ Арх. Коммиссіи; они имѣютъ до 1½ четверти въ длину и снабжены втулкою. *Наконечники стрѣлъ* тоже очень рѣдки; они обыкновенной удлиненной формы съ черенкомъ. Найдены были также наконечники *остроги* или багра; нѣсколько *пробоевъ съ кольцомъ* (неизвѣстнаго назначенія; подобные извѣстны и изъ кургановъ Петербургской губ.); *скобы*; *долотце*; какія-то четырехгранныя *жельзки*; *серпы*—довольно широкіе и полого загнутые; *косы*—(2—въ раскопкахъ Арх. Комм.); *ножницы для стрижки овецъ*; родъ жельзной *лопаточки* (длиною до 10 сант.); *крючекъ* въ видѣ буквы S (9 сант. длиною); *возди*; *тайки*; *молотокъ*; родъ небольшою *булавы*; можно упомянуть еще о жельзныхъ иглахъ на бронзовыхъ пряжкахъ и о *жельзномъ дѣтскомъ браслетѣ*, сдѣланномъ, очевидно, въ подражаніе бронзовому и найденномъ въ одномъ экземплярѣ въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи.

Разнообразіе *бронзовыхъ* вещей, въ составъ которыхъ входитъ, кромѣ мѣди, также олово, а въ нѣкоторыхъ еще, повидимому, свинець, цинкъ и жельзо (количественныхъ анализовъ, впрочемъ, не производилось, а только немногихъ качественныхъ). Видъ вещей различенъ: одніе покрыты зеленою патиною, другія выказываютъ сѣрый цвѣтъ, и иногда имѣютъ видъ вродѣ никелированныхъ.

Самой распространенной категоріей украшеній служили *височныя кольца* (Неф. табл. I, 1), 1,8—5 сант. въ діам., обыкновенно бронзовыя, но иногда и серебряныя, причѣмъ на 8—12 и болѣе колець встрѣчается не болѣе 1—2 серебряныхъ. Въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи 1895 г. на 336 бронзовыхъ было найдено 28 серебряныхъ,

въ раскопкахъ 1897 г., на 196 первыхъ—только 5 вторыхъ. Согнуты кольца обыкновенно изъ простой проволоки, причемъ одинъ изъ концовъ загнуть почти всегда крючкомъ (но не въ видѣ S, какъ въ западныхъ славянскихъ курганахъ, а съ другой стороны—и рѣдко совсѣмъ безъ загиба, какъ въ курганахъ Петербургской губ.). Встрѣчаются кольца въ числѣ 1—13 на каждой сторонѣ головы (въ петербургскихъ курганахъ по 1—2), причемъ часто они сдѣланы между собою. Попадаются изрѣдка кольца съ пластинчатыми на нихъ расширениями; въ раскопкахъ Нефедова такихъ найдено 2—3 съ двумя или тремя ромбодальными расширениями, въ раскопкахъ Коммиссiи они встрѣчались немного чаще, и съ 3—4 овальными расширениями, украшенными орнаментомъ изъ четырехъ выпуклинъ и промежуточнаго крестика, сдѣланнаго изъ двухъ точечныхъ линій; одно расширение, приходящееся на концѣ, обыкновенно на половину срезано. Такія кольца съ расширениями встрѣчаются и въ курганахъ Петербургской губ., но тамъ они составляютъ преобладающій типъ ($\frac{2}{3}$ случаевъ), здѣсь же, въ Костромской губ., они являются исключеніями. При многихъ кольцахъ сохранились еще остатки отъ головного убора. Въ рѣдкихъ случаяхъ на простыхъ кольцахъ надѣты 2 синія бусины; подобныя колечки употреблялись иногда и для серегъ.

Серьги—встрѣчаются довольно часто (тогда какъ онѣ рѣдки въ петербургскихъ курганахъ). Въ числѣ ихъ не найдено совершенно съ дротомъ и бусинкой на концѣ и со многими шариками на колечкѣ (позднѣйшихъ типовъ). Попались только 2—3 съ четырьмя шариками, какія обыкновенны въ курганахъ Петербургской губ., но тамъ встрѣчаются и съ 6—7 шариками, относимыя г. Спицынымъ уже къ XIII вѣку. Только въ одномъ случаѣ шарики эти оказались гладкими, чаще съ неровной витой поверхностью (XII в.). Вообще серьги могутъ быть подраздѣлены на слѣдующіе типы: 1) колечко съ одной бусинкой, бѣлой, синей, янтарной и т. д.; 2) колечко съ тремя круглыми или плоскоцилиндрическими шиповатыми шариками, обыкновенно серебряными, т. наз. кievскаго типа (Неф. таб. 5, 19, 20); попадаютъ, впрочемъ, и съ сдѣланными въ подражаніе имъ гладкими бронзовыми, причемъ колечко и шарики получались литыми изъ одной формы (Неф. таб. 5, 18); 3) колечко съ надѣтымъ на него круглымъ медальономъ (изъ кружка, охватывающаго сѣтку или 8-ми лучевую звѣзду), или образкомъ (съ изображеніемъ Богородицы или святаго) (табл. 6, 34—35), или лунницей, или коготкомъ (табл. 5, 24); послѣдній имѣетъ видъ звѣринаго коготка и былъ найденъ на колечкѣ въ одномъ случаѣ на двухъ серьгахъ; совершенно такія же серьги извѣстны и изъ раскопокъ мерянскихъ кургановъ; 4) колечко съ пластинчатымъ расширеніемъ нижней половины; пластинчатая половина представляетъ почти обособленную подковку, по окружности которой придѣланы три маленькихъ лапки (въ раскопкахъ Арх. Комм.).

Шейныя гривны встрѣчены Нефедовымъ въ 6—7, Арх. Коммиссiей—въ десяткѣ случаевъ. Встрѣчаются простыя, но чаще витыя, иногда еще съ тонкой перевитью. Въ одномъ экземплярѣ концы ихъ смыкаются крючками (Неф. таб. 1, 7); большей же частью не сходятся и заканчиваются или утонченіями, или загибами (таб. 1, 8), или усѣченными, широкими и толстыми концами. Подобныя извѣстны и изъ Мерян-

скихъ кургановъ, но тамъ встрѣчаются также плетенныя изъ мелкой цѣпочки. Иногда гривна замѣнялась шнуркомъ съ панизанными на него бронзовыми спиральками и колечками.

Ожерелья и бусы. Последнія—бронзовыя или глиняныя (изъ пасты, каменные и т. д.).

Бронзовыя бусы—встрѣчаются иногда въ большомъ числѣ (3—4) и тогда онѣ крупныя, цилиндрической формы, глазчатая (т. е. съ круглыми на нихъ ямками) (таб. 5, 2), или удлиненно-бочковидныя (до 2,1 сант. длиною) съ шишковатой поверхностью, или, наконецъ, амфоровидныя, съ спиральными на нихъ завитками (такая была найдена гр. Уваровымъ въ мерянскихъ курганахъ на серьгѣ). Мелкія бронзовыя буски—цилиндриками, спиральками или колечками—напизывались, иногда въ большомъ числѣ, на шерстяной шнуръ (многіе остатки такихъ шнуровъ сохранились). Мѣсто бусъ занимаютъ (Неф. таб. 2, 15) иногда костыльки (какъ и въ петербург. курганахъ) или цѣпочки, иногда съ разными къ нимъ привѣсками, монетами и т. д. Цѣпочки состоятъ изъ колечекъ или изъ небольшихъ бронзовыхъ ремешковъ, связанныхъ между собою колечками.

Глиняныя и каменные бусы выказываютъ большія различія въ матеріалѣ, величинѣ, формѣ, цвѣтѣ. Попадаются большія удлиненныя (сердоликовыя) или круглыя (изъ горнаго хрустала или стекла); многія имѣютъ цилиндрическую бочковидную, округленную форму, иныя спаены изъ 2—3 и болѣе, другія имѣютъ рубчатую поверхность и т. д. По цвѣту—есть бѣлыя съ синими или черными глазками, черныя съ бѣлыми поперечными полосками, синія съ желтыми и бѣлыми глазками, бѣлыя фарфоровыя, блестящія и тусклыя; стеклянныя золоченыя и посеребренныя; красныя, зеленныя, желтыя, синія, черныя и т. д. Одна большая бусина, найденная у правой руки, около бедра, представляетъ изъ себя, очевидно, *прислциу*, и служила для веретена. Упомянемъ еще о найденныхъ въ качествѣ украшеній раковинахъ *каури* и *медвѣжьихъ зубахъ* и *когтяхъ* (въ раскопкахъ Арх. Коммиссіи).

Принадлежностями туалета служили костяные *гребешки*; таковыхъ найдено, впрочемъ, только два экземпляра, одинъ съ обычнымъ орнаментомъ изъ концентрическихъ кружковъ и точекъ, и бронзовыя ухвертки (таб. 2, 12); последнія носились на поясѣ (въ ушкѣ нѣкоторыхъ сохранился еще остатокъ ремешка) и выказываютъ часто узорчатую прорѣзную ручку съ боковыми выступами, которые въ лучшихъ экземплярахъ имѣютъ видъ парныхъ конскихъ головокъ.

Перстни и кольца на пальцахъ; первые обыкновенно лѣтые, имѣющіе видъ витыхъ или рубчатыхъ, вторыя—пластинчатая, съ расширеніемъ напередѣ и съ точечнымъ орнаментомъ (линіи, кружочки). Концы перстней либо только сходятся, либо чаще заходятъ одинъ за другой. Попадаются и широкіе, прорѣзные, съ дырочками, но рѣдко, не такъ, какъ въ московскихъ курганахъ, гдѣ ихъ масса. Есть съ печаткой, чаще съ гладкой, иногда съ глазками. Серебряный перстень былъ найденъ Нефедовымъ въ одномъ экземплярѣ, съ изображеніемъ летящей птички и 4-мя маленькими глазками, въ могилѣ съ трупосожженіемъ (таб. 3, 20). Другой серебряный перстень съ печатью, на которой имѣется изображеніе льва, поднявшаго хвостъ, со слѣдами

зеленой и синей эмали, былъ найденъ при раскопкахъ Арх. Коммисіи близъ д. Чижево.

Браслеты, почти исключительно бронзовые, представляютъ слѣдующія главныя категоріи: а) *пластинчатые* или листовые, украшенные простымъ точечнымъ орнаментомъ изъ ромбовъ, косыхъ линий, треугольниковъ, кружочковъ (таб. 1, 15), б) литые болѣе или менѣе массивные, отчасти пластинчатой формы (таб. 1, 17, 18), иногда съ особо орнаментированными концами, имѣющими даже (рѣдко) форму звѣриныхъ головокъ (подобныя находили и въ петербургскихъ курганахъ), отчасти витые или рубчатые (таб. 1, 14); в) свитые изъ проволоки, иногда болѣе толстой и простой, иногда рубчатой (таб. 1, 11, 16, 20); иногда болѣе тонкой, двойной, иногда мелкой, переплетенной или перевитой еще болѣе тонкой (таб. 1, 21, 13); г) цѣпочные и филиграновые, изъ очень тонкаго и мелкаго плетенья (таб. 1, 10). Иногда у одного и того же субъекта на одной рукѣ листовая браслетъ, на другой массивный, витой или филиграновый. Въ одномъ случаѣ встрѣтился желѣзный дѣтскій пластинчатый браслетъ (раск. Арх. Комм., см. рис. въ текстѣ № 4-й); а въ 2-хъ—3-хъ стеклянные браслеты, одинъ синій витой (таб. 1, 22), а другой черный, мелкорубчатый (въ моголь съ трупосожженіемъ) (таб. 1, 23).

Пугови и бубенчики. Первые—мелкія, грушевидныя, съ ушкомъ, встрѣчаются по 1—3 на груди, по средней линіи, и служили, очевидно, для застегиванія одежды (сорочки или платья) (таб. 5, 15). Вторые—обычныя, круглой формы, съ ушкомъ, съ маленькими дырочками или съ крестообразнымъ прорѣзомъ внизу и съ 4-мя нарѣзанными линіями вокругъ (по экватору) (таб. 5, 15). Въ бубенчикахъ иногда имѣется шарикъ, иногда нѣтъ.

Кольца отъ пояса, обуви, одежды. Кольца отъ пояса — большой величины, иногда круглыя, гладкія (полированныя), сѣроватаго цвѣта, или плоскія, покрытыя чаще патиной; изъ послѣднихъ нѣкоторыя съ оранментомъ изъ грифовыхъ головокъ (таб. 5, 5) или акантовыхъ разводовъ. На одномъ кольцѣ встрѣчены какія-то нарѣзки, нѣсколько напоминающія пехлевійскія начертанія (но не соответствующія имъ, по указанію акад. Залемана). Во многихъ кольцахъ сохранился остатокъ широкой шерстяной тесьмы. Кольца отъ обуви обыкновенно небольшія, но толстыя, гладкія или рубчатые (попадаютъ и желѣзныя). На плечахъ также иногда находили кольца, но тонкія, изъ проволоки, большого діаметра, съ загнуванными концами. Одно толстое кольцо, съ двумя пересѣкающими его поперекъ, подъ острымъ угломъ, перекладинами и съ круглымъ выступомъ въ центрѣ (вродѣ колеса съ осью), служило, повидимому, пряжкой и было найдено у пояса (таб. 1, 7).

Пряжки; ихъ находятъ у пояса и на груди. Болѣе обычная форма подкововидная съ близко сходящимися концами (извѣстно около 20 экз.), съ иглой на простой петлѣ; концы подковы свободно (рѣдко соединены между собой тонкой перекладиной) и обыкновенно согнуты спирально (трубнообразно) (таб. 5, 9—11), рѣже—оканчиваются головками, круглыми (таб. 5, 6) или четырехугольными, согнутыми напередъ (таб. 5, 7), въ одномъ случаѣ съ ямками (таб. 5, 8). Въ поперечномъ разрѣзѣ подкова овальная, трехгранная или съ выпуклымъ ребромъ на наружной сторонѣ;

размѣръ пряжекъ обыкновенно небольшой, болѣе крупныя—рѣдки. Орнамента на нихъ почти не встрѣчается, чѣмъ онѣ отличаются отъ подобныхъ же пряжекъ изъ мерянскихъ, петербургскихъ и прибалтійскихъ кургановъ. Попадаются и пряжки особыхъ типовъ, напр. круглая, сплошная, съ тыльемъ изъ двухъ выступовъ съ перекладиной (таб. 5, 12); овальная укрѣпленная подвижно въ трехъ колечкахъ, имѣющихъ назадъ прибавокъ изъ двухъ круглыхъ возвышеній, каждое съ орнаментовъ изъ концентрическихъ кружковъ (таб. 5, 13); круглая, сплошная, серебряная, слегка выпуклая, съ иглой на обратной, вогнутой сторонѣ кружка, наружная сторона котораго украшена узоромъ, нѣсколько наминающимъ свастику, но вѣрнѣе—Сегнерово колесо (см. рис. въ тек. 3, б, изъ раскопокъ Арх. Комм.); такія же извѣстны изъ кургановъ Петербург. губ.

Самыми любопытными предметами можно однако считать *привѣски*, служившія отчасти украшеніями (а иногда, повидимому, и для практическихъ цѣлей), отчасти же религіозными символами и амулетами. Къ привѣскамъ, служившимъ для украшенія, повидимому, имѣвшимъ и практическую цѣль, слѣдуетъ отнести т. наз. *игольники*.

Къ нимъ мы позволяемъ себѣ отнести три категоріи украшеній, хотя до сихъ поръ относили только одну изъ нихъ, именно: а) довольно длинныя (1—2 вершка) (литыя) трубочки съ болѣе или менѣе орнаментированною прорѣзною дужкою, подвѣшавшіяся (за эту дужку) горизонтально на груди, на ремешкѣ или цѣпочкѣ, а иногда снабженныя еще внизу ушками или колечками, къ которымъ приврѣзлены висячія короткія цѣпочки, оканчивающіяся колокольчиками (безъ язычковъ). Въ простѣйшей формѣ такая трубочка имѣетъ только простую дужку, при помощи которой она и подвѣшивалась на ремешкѣ (вѣроятно къ платью); въ болѣе сложныхъ надъ одной дужкой является другая, орнаментированная, иногда еще съ добавочными боковыми фигурками (коньками) (см. рис. въ тек. 1 а., изъ раск. Арх. Ком.), или же дужка превращается въ сплошную прорѣзную бляху, въ которой можно иногда различить животный парный орнаментъ (таб. 4, 21), иногда же орнаментъ этотъ переходитъ въ плетенье (таб. 4, 22), или сливается въ гладкую бляху со сквозными отверстіями (таб. 4, 23). Подобные „игольники“ находили и въ курганахъ Петерб. губ., и Бранденбургъ первый далъ имъ такое обозначеніе, основываясь на фактѣ находки имъ, въ одномъ случаѣ, въ трубочкѣ—желѣзной иглы. б) Предметы въ родѣ болѣе или менѣе сплюснутаго, полаго внутри флакончика, съ горлышкомъ и отверстіемъ вверху (а также и внизу), съ привѣсками и висячими цѣпочками. Одинъ такой бронзовый флакончикъ (изъ раск. Арх. Комм., длиною около 7 сант.)—со сплошными стѣнками, безъ прорѣзовъ въ нихъ, съ орнаментомъ изъ ромбовъ и треугольниковъ; внизу къ нему были подвѣшены за ушки двѣ одинаковыхъ привѣски, каждая изъ трехъ слятыхъ вмѣстѣ кружковъ, украшенныхъ орнаментомъ изъ спиралей и снабженныхъ внизу тремя ушками, къ которымъ прикрѣплены три короткихъ цѣпочки, оканчивющихся лапками (см. рис. въ тек. № 2). Другой экземпляръ, изъ раскопокъ Нефедова, имѣетъ видъ плоской (съ слегка выпуклыми стѣнками) бутылки, съ короткимъ горлышкомъ, съ четырьмя поперечными прорѣзами на передней сторонѣ и съ тремя ушками внизу для цѣпочекъ, отъ коихъ сохранились только двѣ, оканчивающіяся бубенчиками, и въ

каждой одно изъ звеньевъ имѣеть фигуру птички (таб. 2, 10). Обозначеніе этого вида украшеній игольниками основывается, съ одной стороны, на трудности дать имъ иное объясненіе, а съ другой—и на нѣкоторыхъ аналогіяхъ, встрѣчаемыхъ у сибирскихъ инородцевъ. Такъ у чукчей до сихъ поръ еще носятъ женщинами игольники, состоящіе изъ трубочекъ, пришиваемыхъ помощью ремешковъ къ платью на груди. Трубочки эти, въ простѣйшей формѣ, дѣлаются изъ отрѣзковъ длинныхъ, трубчатыхъ, звѣриныхъ костей, а въ болѣе совершенной—изъ мѣдныхъ цилиндровъ (вершка въ 3 длину); сквозь такую трубочку пропускается мягкій ремешекъ съ узломъ внизу, который и не позволяетъ ей соскочить съ ремешка, въ ремешокъ втыкаются иголки съ нитками, и когда иголка понадобится, чукчанка беретъ трубочку, вытаскиваетъ за узелъ изъ нижняго ея конца ремешокъ и достаетъ иголку, послѣ чего снова вдергиваетъ ремешекъ въ трубочку, которая и прикрываетъ такимъ образомъ иголки. На

Рис. 1. а. Привѣска съ бубенчиками; б. Игольникъ изъ горизонтальной трубочки съ двойной на ней дужкой и коньками по сторонамъ. Въ $\frac{2}{3}$ нат. вел. (Изъ раскопокъ Костромскаго Уч. Архив. Комиссіи).

Рис. 2. Игольникъ въ видѣ подлага внутри флакончика съ отверстіями вверху и внизу и съ двумя привѣсками внизу. Въ $\frac{2}{3}$ нат. вел. (Изъ раскопокъ Костр. Уч. Арх. Комм.).

нѣкоторыхъ изъ такихъ трубочекъ имѣется нарѣзной орнаментъ. (Подобные же игольники, изъ звѣриныхъ или лебединыхъ костей, изъ моржеваго зуба или изъ металла (иногда изъ стараго ружейнаго ствола), употребительны у американскихъ эскимосовъ (многіе образцы находятся въ Берлинскомъ Museum für Völkerkunde). Можно предположить, что подобную же роль играли въ древности и описываемые нами „игольники“; сквозь нихъ также могъ продѣваться ремешекъ съ иголками (въ экземплярѣ съ двумя привѣсками, послѣднія и могли быть привязаны къ такимъ ремешкамъ, замѣняя собою узелъ въ игольникѣ чукчей), и помощью такого ремешка украшеніе могло прикрѣпляться къ платью. в) Украшеніе въ видѣ миниатюрныхъ ноженъ, съ выступающимъ вдоль одной ихъ стороны узорчатымъ прибавкомъ (таб. 2, 12—14). Эти маленькія ножны напоминаютъ по своей формѣ большія—для ножа, подобныя которымъ находили въ могилахъ Прибалтійскаго края. Г. Спицынъ думаетъ, что и эти миниатюрныя ножны (совершенно такія же были находимы въ курганахъ Петерб. губ., иногда сдѣланныя

изъ кости) служили для пошпчка, но, во-первыхъ, ножпчки обыкновенно представляють болѣе крупныя размѣры, а во-вторыхъ, круглая форма этихъ миниатюрныхъ ноженъ не дѣлаетъ ихъ пригодными для ножиковъ. Если допустить, что эти предметы могли имѣть какую-нибудь практическую цѣль, то вѣроятно, что въ нихъ вкладывались иглы, а можетъ быть это было только украшеніе, на подобіе настоящихъ ноженъ отъ ножей въ Прибалтійскомъ краѣ. Извѣстно, что какъ на западѣ, напр. въ находкахъ бронзоваго вѣка, такъ и въ Сибири (въ Минусинскомъ краѣ) находили миниатюрныя подражанія настоящимъ орудіямъ (топорамъ, позамъ, серпамъ и т. д.), служація, можетъ быть, для украшенія, а можетъ быть, и для какихъ-нибудь вотивныхъ цѣлей. Попадаются иногда еще простыя бронзовыя сквозныя трубочки, цилиндрическія или съ вздутіями, иногда съ двумя или четырьмя симметрическими ушками по бокамъ, длиною въ 3—6 сант., но ихъ находили, обыкновенно, на поясѣ въ вертикальномъ положеніи (въ случаѣ ушковь) или горизонтальномъ, вставленными между мелкими мѣдными колечками на ремешкѣ и вѣроятно онѣ служили просто для украшенія.

Собственно привѣски—весьма разнообразныхъ формъ. Встрѣчаются овальныя или яйцевидныя, *сплошныя*, гладкія, съ сквознымъ отверстіемъ у одного конца, для привѣшивания; по своей формѣ онѣ напоминаютъ костяныя амулеты (извѣстные изъ находокъ Нефедова въ ряду предметовъ каменнаго вѣка изъ одного городища въ Костр. губ. и изъ его же прикамскихъ находокъ, см. ранѣе въ этомъ томѣ). Попадаются *круглыя сплошныя медальоны* изъ тонкихъ бронзовыхъ (рѣдко серебряныхъ) кружковъ, снабженныхъ, для привѣшивания, ушками, которыя или отлиты вмѣстѣ съ кружкомъ или, чаще, приклепаны гвоздиками. На одномъ такомъ кружкѣ (таб. 6, 27) имѣется орнаментъ изъ разводовъ въ видѣ четырехъ буквъ С; подобные извѣстны изъ находокъ въ Лифляндіи и съ о-ва Мопа, съ серебряными германскими монетами XII—XIII вв. На другомъ такомъ медальонѣ виденъ неясный выпуклый узоръ въ видѣ креста (таб. 6, 25) (подобные извѣстны изъ кургановъ Петербург. губ.). Третій украшенъ разводами исходящими изъ одного ствола (таб. 6, 29; подобный былъ найденъ въ мерянскихъ курганахъ). Отъ этихъ медальоновъ естественъ переходъ къ монетамъ, именно къ серебрянымъ арабскимъ *диргемамъ* и ихъ подражаніямъ; монеты эти снабжены приклепаннымъ серебрянымъ или мѣднымъ ушкомъ и носились на груди, иногда на ожерельяхъ, рядомъ съ другими медальонами и привѣсками (таб. 5, 25—26). Часто, повидимому, они вставлялись въ кожаные футлярчики, нижнія половинки коихъ иногда сохранились (таб. 6, 30). Диргема оказалась битыми въ разныхъ восточныхъ городахъ, въ эпоху отъ 875 до 987 г. Кромѣ настоящихъ монетъ попадаютъ иногда поддѣланныя, хотя собственно ихъ нельзя называть такъ, а скорѣе подражаніями, сдѣланными тоже изъ серебра. Въ Витебской губ. найдена была даже форма отъ такого псевдодиргема.

Весьма разнообразны *прорпзныя привѣски*, литыя или плетенныя. Къ первымъ относятся: а) украшеніе изъ нѣсколькихъ (6) слитыхъ колець, образующихъ вмѣстѣ треугольничекъ, съ подвѣшенными внизу тремя лапками на цѣпочкахъ (таб. 2, 6); иногда ихъ находили въ одномъ экземплярѣ, иногда въ двухъ, симметрично лежащихъ на груди гдѣ они служили, очевидно, для украшенія одежды; въ одномъ случаѣ такой треугольничекъ висѣлъ верхомъ внизъ и былъ соединенъ только съ одною лапкою; въ

раскопкахъ Арх. Ком. попадались слитыя изъ 10 колець; б) украшеніе изъ прорѣзной бляхи, напоминающей бабочку, т. е. представляющей прорѣзное тѣло и два боковыхъ круглыхъ выступа, украшенныхъ спиральнымъ орнаментомъ (таб. 2, 8); подобныя украшенія, носившіяся на груди, были находимы также въ петербургскихъ курганахъ, въ Финляндіи и Эсляндіи; в) плоскія кольца съ нѣсколькими ушками внизу, для короткихъ цѣпочекъ (таб. 2, 5); г. *прорѣзные треугольныя, овальныя или полуовальныя (арочныя) бляшки* съ ушкомъ сверху и съ 3—4 колечками внизу, къ которымъ на короткихъ цѣпочкахъ прикрѣплялись лапки, бубенчики или колокольчики. Строеніе бляшекъ большей частью жгутовидное; прорѣзная середина выполнена перекладинами, рѣшеткой, а въ полуовальныхъ часто тремя выпуклинами съ орнаментомъ (таб. 2, 2—3). Одна такая бляшка (изъ раск. Арх. Ком.) имѣетъ форму продолговатаго (горизонтально) четырехугольника, съ трубочкой назади, сквозь которую проходитъ шнурокъ (остатокъ его сохранился). Бляшка состоитъ изъ трехъ продольныхъ бронзовыхъ плоскихъ жгутовъ, соединенныхъ на концахъ поперечными; въ двухъ щеляхъ между жгутами и по верхнему краю идетъ орнаментъ изъ зигзаговъ (змѣйкой; см. рис. въ тек. 1, а.). Иногда находили только одну трубочку безъ бляшки; д) *круглыя прорѣзные медальоны* въ формѣ колеса съ 4 или 8 спицами или кружка съ рѣшетчатымъ плетеньемъ, а часто и сплошного, продырявленнаго только мелкими отверстиями, всѣ снабженные ушками для ношенія. Въ раскопкахъ Арх. Ком. встрѣтилось однажды ожерелье изъ 10 такихъ кружковъ, причѣмъ 2 среднихъ были о 8 лучахъ, а остальные 8 рѣшетчатые. Отъ этихъ медальоновъ прямой переходъ къ такимъ же кружкамъ съ крестикомъ, но прежде чѣмъ перейти къ нимъ, остановимся на другихъ привѣскахъ. Въ числѣ ихъ довольно многочисленны *полюя, усѣченно-коническія* съ привѣшенными въ нимъ, по нижнему краю, бубенчиками или лапками; въ усѣченномъ верхнемъ концѣ конуса обыкновенно отверстіе, сквозь которое продѣвался ремешокъ; носились такія привѣски по 1—2 на шеѣ, на груди, еще чаще на поясѣ. Подобныя были находимы и въ петербургскихъ курганахъ, но очень рѣдко, тогда какъ здѣсь онѣ весьма обыкновенны. Въ одномъ случаѣ было найдено штукъ десять такихъ конусовъ (или колокольцевъ), безъ цѣпочекъ, въ двухъ пачкахъ, обернутыхъ матеріей.

Самыя любопытныя подвѣски представляютъ собою *изображенія животныя*. Ихъ двѣ категоріи: *плоскія* и *выпуклыя (полюя)*. Плоскія могутъ быть, въ свою очередь, подраздѣлены на *сплошныя* (безъ прорѣзовъ) и *прорѣзные*. Сплошныя изображаютъ пѣтушковъ и курочекъ съ головой и туловищемъ въ профиль, но безъ обособленнаго хвоста и ногъ; на спинкѣ ушко для привѣшиванія, по нижнему краю—колечки для цѣпочекъ съ лапками; лицевая сторона туловища съ жгутовиднымъ орнаментомъ, идущимъ вдоль краевъ и поперекъ, косвенно (городками) таб. 4, 2—6). Прорѣзные представляютъ также птицъ—селезней, утокъ, пѣтушковъ, но также и коньковъ. Между ними можно отличить слѣдующіе типы: а) *прорѣзные селезни, пѣтушки, утки, въ стоящемъ положеніи*, въ профиль, съ двумя ногами, короткимъ хвостомъ, выпуклой грудью, иногда съ загнутымъ сверху клювомъ, безъ ушковъ и цѣпочекъ (таб. 4, 7—9, 13—15; такихъ найдено штукъ 7—8); б) *прорѣзные пѣтушки* (съ гребешками) и утки или курочки, въ профиль, *безъ ногъ*, но иногда съ короткимъ, поднятымъ

кверху хвостомъ, съ ушкомъ на спинѣ (въ которомъ иногда виденъ остатокъ ремешка) и съ крупными отверстиями по нижнему краю туловища, соединенными съ короткими цѣпочками изъ 8-образныхъ звеньевъ, оканчивающихся гусиными лапками (таб. 4, 1, 10); въ раскопкахъ Арх. Ком. были найдены подобный двойной пѣтушокъ (рис. въ тек. 3, а.); в) *прорѣзные коньки*, въ профиль, съ загнутымъ на спину или закрученнымъ хвостомъ, съ четырьмя ногами и гривой; у пѣкоторыхъ имѣется еще завитокъ, симулирующій крыло, какъ у утокъ типа а (таб. 4, 11—12); г) *парные прорѣзные коньки*, или точиѣ—переднія половины коньковъ, обращенныхъ мордами въ противоположныя стороны; между этими половинками можно иногда различить примитивную фигурку стоящаго человѣка, en face, такъ что внизу оказываются 6 ногъ (иногда 7), стоящихъ на ободкѣ, который, загibaясь по сторонамъ, доходитъ до морды коней. По нижнему краю—ушки съ цѣпочками и лапками. Въ другихъ экземплярахъ ободка уже нѣтъ, а равно и средняя фигура человѣка исчезаетъ, превращаясь въ ушко между конскими головками (таб. 4, 17—20). Находили подобныя коньки и рѣзанные изъ кости. Къ этому же типу можно отнести большое бронзовое нагрудное украшеніе (изъ раск. Нефедова), состоящее изъ двухъ одинаковыхъ привѣсокъ, соединенныхъ довольно длинной цѣпочкой изъ 16-ти 8-образныхъ звеньевъ съ кольцомъ посрединѣ (таб. 2, 11); каждая привѣска имѣетъ лирообразную форму, какъ бы изъ перегнутыхъ жгутовъ и составляетъ, очевидно, подражаніе парнымъ конькамъ, причѣмъ морды коней (загибы лиры) оканчиваются двойными спиральями; внизу къ каждой привѣскѣ прикрѣплено по четыре цѣпочки съ лапками. Къ категоріи плоскихъ изображеній можно отнести еще прорѣзную бляшку (таб. 4, 16) въ видѣ цифры 8, оба кружка которой составлены изъ сходящихся клювами птичьихъ головъ; отъ средней перетяжки отходятъ въ стороны округленные выступы.

Наконецъ, сюда же можно присоединить и изображеніе птички или *амела* съ распушенными крыльями и съ ушкомъ для привѣшиванія (таб. 6, 38); подобныя были находимы въ мерянскихъ курганахъ и въ Прибалтійскомъ краѣ, а такая же въ кругломъ ободкѣ известна и изъ петербургскихъ кургановъ. Это изображеніе—единственное, напоминающее бронзовыхъ летищихъ или парящихъ птицъ, известныхъ по многимъ находкамъ въ Вятско-Пермскомъ краѣ и въ Тобольской губ. Вообще же, изображенія птицъ хотя и обыкновенны въ костромскихъ курганахъ, но они представляютъ другіе типы, съ которыми мы отчасти уже познакомились, но которые еще въ большомъ числѣ относятся къ слѣдующей категоріи.

Поля изображенія коньковъ и утокъ были найдены въ сравнительно большомъ числѣ (около 50) и представляютъ рельефно отлитыя фигурки, съ головой, туловищемъ и хвостомъ, поля внутри, т. е. съ широкой ямкой снизу и съ небольшимъ

Рис. 3 а Двойной прорѣзной пѣтушекъ съ повѣшенными внизу на цѣпочкахъ лапками. б. Серебряная круглая фибула—съ орнаментомъ въ видѣ Соколова колеса. Въ $\frac{2}{3}$ кад. вел. (Изъ раскопокъ Костр. уч. Архив. Комисіей).

круглымъ отверстіемъ вверху, на снѣ, чрезъ которое продевался ремешокъ съ узелкомъ, служившій для прикрѣпленія фигурки къ поясу, а иногда и къ груди. Внизу, по ободку фигурки, идутъ ушки, къ которымъ прикрѣплялись короткія цѣпочки съ лапками (таб. 3, 1—19) или бубенчиками. На ремешокъ обыкновенно нанизывались мелкія бронзовыя колечки, въ большомъ числѣ, а иногда опъ замѣнялся настоящей цѣпочкой, которая въ одномъ случаѣ имѣла большую длину, до 50 сант., представляла замкнутыхъ два круга, и падѣвалась, очевидно, на шею. Нѣкоторыя фигурки изображаютъ, очевидно, коньковъ, на что указываетъ изгибъ шеи, грива и тупая морда, другія, также очевидно, уточекъ или селезней съ широкимъ, суживающимъ впереди и нѣсколько загнутымъ кверху клювомъ; но нѣкоторыя менѣе опредѣлены, напр. имѣютъ короткую, раскрытую пасть (таб. 3, 6) или короткую морду и гребешокъ, или уши у нихъ, имѣющія и всегда видъ колечекъ, принимаютъ видъ рожекъ, отчего нѣкоторымъ изъ такихъ фигурокъ придаютъ названіе баранчиковъ. Хвостъ или представленъ колечкомъ, или чаще загнутъ кверху спирально. Бока фигурки обыкновенно украшены орнаментомъ изъ жгутовыхъ поперечныхъ или накрестъ полосокъ, зигзаговъ, меандровъ, полукружій. Подобныя фигуры были находимы также въ петербургскихъ и мерянскихъ курганахъ, но въ меньшемъ числѣ и разнообразіи.

Лунницы или полулунія представляютъ своеобразный видъ украшеній, обыкновенно бронзовыхъ, рѣдо серебряныхъ. Нѣкоторыя изъ нихъ безъ ушка, большей же частью съ ушкомъ для привѣски. Изъ лунницъ безъ ушка особенно замѣчательна одна серебряная, большая, широкая, съ тупыми рогами, украшенная зернью, идущею вдоль краевъ и собранною въ треугольнички (таб. 5, 38а, б.). По срединѣ ея, въ четырехугольномъ гнѣздышкѣ вставлена какая то желтоватая масса (отъ нея остались только кусочки); къ концамъ рожковъ петлею изъ тонкаго бронзоваго ремешка былъ прикрѣпленъ какой то маленькій камешекъ сѣраго цвѣта. Лунницы съ ушкомъ имѣютъ обыкновенно круто изогнутые рожки, концы которыхъ свободны (только на одномъ экземплярѣ соединены небольшимъ расширеніемъ, таб. 5, 32). Передняя сторона лунницы украшена иногда орнаментомъ изъ треугольничковъ (таб. 5, 30), небольшихъ прорѣзовъ (таб. 5, 29), разводовъ, или головокъ грифоновъ (таб. 5, 31). Чаще (около 15 экз.) встрѣчается орнаментъ изъ выпуклыхъ точекъ, которыя посрединѣ, подъ ушкомъ, образуютъ маленькій крестикъ. На нѣкоторыхъ же экземплярахъ между рожками помѣщенъ настоящій равноконечный крестъ, соединяющійся своимъ верхнимъ концомъ съ срединнымъ выступомъ лунницы (подъ ушкомъ) (таб. 5, 33—35). Сдѣланы лунницы часто изъ какого-то темнаго или блестящаго сплава, свинцоваго цвѣта. Находили ихъ или на шеѣ, въ ожерельи, между бусами и другими привѣсками; въ одномъ случаѣ 5 штукъ рядомъ съ крестикомъ въ кружкѣ; иногда же на колечкахъ около ушей, въ качествѣ серегъ; иногда, наконецъ, на груди. Подобныя лунницы извѣстны и изъ находокъ въ мерянскихъ и другихъ курганахъ. Въ Калужской губ., какъ сообщилъ мнѣ г. Четыркинъ, еще и теперь въ ходу лунница съ крестикомъ, носимая въ видѣ серьги (въ одномъ ухѣ) мужчинами съ цѣлью предохраненія себя отъ лихорадки.

Намъ остается разсмотрѣть еще кресты и образки, но прежде скажемъ нѣсколько словъ объ остаткахъ найденныхъ въ курганахъ тканей, между которыми можно разли-

чить грубую льняную и шерстяную, очевидно мѣстнаго производства, и болѣе топкія, привозныя, представленныя полосками парчи и галуна, находимыми обыкновенно у головы и шеи. На одномъ лоскутѣ шерстяной ткани оказались прикрѣпленными мелкія бронзовыя спиральки; образцы такой ткани извѣстны и изъ петербургскихъ кургановъ, а полоски галуна еще въ большемъ разнообразіи были находимы въ курганахъ мерянскихъ.

Кресты—найдены въ довольно большомъ числѣ и разнообразныхъ формъ. Можно различить *крестики въ кружкахъ* и *собственно кресты*. Первые представляютъ кружокъ (кольцо) съ ушкомъ сверху для привѣшиванія; въ кружкѣ укрѣпленъ крестикъ, обыкновенно равносторонній, съ болѣе или менѣе широкими перекладинами, въ томъ числѣ нѣкоторые чисто корсунскаго типа, иногда въ видѣ такъ наз. патриаршескаго креста, т. е. съ меньшими крестиками по концамъ его (таб. 6, 14—16). Въ одномъ кружкѣ крестикъ неравнокопечный съ поднимающимся отъ основанія его симметричными акаптовыми разводами (таб. 6, 17). Переходъ отъ этихъ кружковъ къ настоящимъ крестамъ дается прорѣзными крестиками, составленными напр. изъ четырехъ, на крестъ расположенныхъ колечекъ или изъ крестообразнаго ободка съ полуовальными концами, въ которомъ вставленъ другой крестикъ еще съ маленькими крестиками по концамъ (таб. 6, 13). Собственно кресты представляютъ также значительныя варіаціи; большинство ихъ равнокопечные, но есть и съ болѣе удлиненнымъ нижнимъ концомъ; чаще плоскіе, они замѣняются иногда круглыми (трубчатыми, но не полыми): средокрестіе въ иныхъ круглое, въ другихъ ромбическое, въ третьихъ составлено изъ 5 шариковъ (а концы—каждый изъ трехъ); въ средокрестіи иногда виденъ знакъ \times или неясное поясное изображеніе человѣка (на одномъ крестѣ—держащаго въ правой рукѣ чашу—Спасителя (?)). Концы перекладинъ иногда округлены, иногда лещечаты, иногда ромбическія; изъ плоскихъ есть узорчатые, съ выступами промежъ перекладинъ и съ изображеніемъ маленькихъ крестиковъ на послѣднихъ, или со слѣдами украшавшей ихъ желтой (въ выемкахъ) эмали (таб. 6, 3—11, рис. въ тек. 4, а, б.). Особенно любопытны два скандинавскія или энколпиона, изъ коихъ одинъ представляетъ впрочемъ только половинкой, съ ушкомъ (въ которомъ остатокъ ремешка) и съ выпуклымъ изображеніемъ Распятія (таб. 6, 2), а другой, большаго размѣровъ, обѣими половинками; на лицевой сторонѣ изображена фигура человѣка (какъ бы съ

Рис. 4 а Железный дѣтскій браслетъ. б. Луница, украшенная орнаментомъ. в. Крестъ, съ изображеніемъ въ средокрестіи человѣческой поясной фигуры. г. Небольшой крестъ. Въ $\frac{2}{3}$ нат. вел. (Изъ раскопокъ Коллр. Уч. Архив. Коммиссія).

и съ выгнутымъ изображеніемъ Распятія (таб. 6, 2), а другой, большаго размѣровъ, обѣими половинками; на лицевой сторонѣ изображена фигура человѣка (какъ бы съ

усаами), въ плащѣ (корзиѣ), съ лѣвой рукой, скрытой подъ одеждой, а съ правой вытянутой и держащей глѣчто въ родѣ факела или даропосяцы (собственно должно изображать церковь); на лѣвой перекладинѣ креста вырѣзана надпись, которую одни читаютъ: $\begin{matrix} \text{ГДБ} \\ \text{БО} \end{matrix}$, т. е. „Господь Богъ“, а другіе $\begin{matrix} \text{ГЛБ} \\ \text{БО} \end{matrix}$, т. е. „Глѣбъ Борисъ“, что, по видимому, вѣрнѣе; на противоположной сторонѣ подобна же фигура, но съ правой рукой на груди и лѣвой вытянутой и держащей тотъ же предметъ. У верхняго и боковыхъ концовъ креста, на обѣихъ сторонахъ, по три медальона съ изображеніемъ лицъ (можетъ быть, архангеловъ Михаила, Гавріила и Сихаяла (таб. 6, 1). Во то время, какъ прочіе кресты были находимы обыкновенно на шеѣ или груди, на ожерельяхъ средѣ бусъ или рядомъ съ блясками, фигурками животныхъ, медальонами, диргемами, иногда также у пояса, около пояса, этотъ складень былъ найденъ (въ курганѣ Кицешемскаго у., на пустошѣ Босяхѣ) съ правой стороны костяка, верхка въ двухъ выше его, въ землѣ, и внутри его, въ какой то ткани, былъ завернутъ кусочекъ кости—вѣроятно мѣщи. При самомъ костякѣ оказались только: простая, безъ ушка, лупинца и небольшая серебряная пряжка со слѣдами желѣзной иглы; скелетъ былъ, очевидно, мужской, высокаго роста (178 сант.). Складень этотъ напоминаетъ нѣсколько найденный гр. Уваровымъ въ одномъ мерянскомъ курганѣ, но тамъ фигуры имѣли обѣ руки вытянутыми и ничего въ нихъ не держали. Ближайшее сходство представляютъ нѣкоторые складни изъ Кіева и Корсуя (Херсонеса), хранящіеся въ Историческомъ музеѣ и изображенныя на которыхъ фигуры имѣютъ также одну руку вытянутою и держатъ въ ней подобный же предметъ. Недавно въ ряду предметовъ коллекціи г. Хапенко въ Кіевѣ (Собраніе Хапенко. Древности русскія. Кресты и образки. Кіевъ. 1899. Табл. VII, рис. 88/89) былъ описанъ и изображенъ весьма сходный энколпионъ, найденный въ Чигиринскомъ у., Кіевск. губ., съ подобными же фигурами и медальонами на концахъ, опредѣляемыми какъ изображенія Св. Бориса и Глѣба и трехъ архангеловъ. Св. князья Борисъ и Глѣбъ были убиты въ 1015 г. и канонизированы вскорѣ послѣ своей кончины. Энколпионы съ ихъ изображеніями относятъ ко второй половинѣ XI-го и XII-му вѣку.

Образки—обыкновенно маленькіе, круглые, рѣже четырехугольные, литые изъ бронзы, всегда съ ушкомъ, представляютъ слѣдующіе типы: а) четырехугольный образокъ Богоматери съ младенцемъ на лѣвой рукѣ (подобный извѣстенъ и изъ мерянскихъ кургановъ, а круглый и изъ м. Вятчева Кіев. уѣзда); б) круглый—Богоматери съ младенцемъ на правой рукѣ; в) круглый, съ пояснымъ изображеніемъ святаго съ кошемъ (Дмитрій Солунскій?; въ Вятчевѣ былъ найденъ круглый образокъ съ изображеніемъ всадника, вѣроятно, св. Георгія Побѣдоносца); г) круглый, съ пояснымъ изображеніемъ двухъ святыхъ (Козьмы и Даміана?); д) круглый, съ изображеніемъ Успенія (оба вида образковъ извѣстны и изъ мерянскихъ кургановъ) (таб. 6, 31—37). Въ ушки образковъ вдѣвались колечки и они носились въ ушахъ, какъ серьги, или на шеѣ и груди рядомъ съ другими привѣсками. Г. Нефедовымъ найдено всего около 20 образковъ, меньше, чѣмъ крестовъ, которыхъ насчитывается до 25, не считая вставленныхъ въ кружки.

Найденныя въ могилахъ мошеты (диргемы) и типы украшеній и другихъ предметовъ указываютъ на принадлежность описываемыхъ кургановъ X—XII вв. По обстановкѣ погребеній курганы эти представляютъ особую группу, отличающуюся въ подробностяхъ отъ другихъ сосѣднихъ группъ кургановъ. Несмотря, напр., на многія черты сходства съ мерянскими курганами, они отличаются однако отъ послѣднихъ довольно характерными признаками, къ числу коихъ относятся: крайняя рѣдкость оружія, отсутствіе топоровъ съ расширеннымъ лезвиемъ и широкой вырѣзкой при основаніи, отсутствіе овальныхъ, т. наз. скорлупчатыхъ фибулъ норманскаго и балтійскаго типовъ, многихъ видовъ шумящихъ подвѣсокъ съ лапками, поясныхъ наборовъ, орнаментированныхъ пряжекъ, ключей и замковъ, подковокъ отъ сапогъ, семилопастныхъ височныхъ подвѣсокъ, золотыхъ вещей, нѣкоторыхъ языческихъ амулетовъ (идоловъ, звѣриныхъ лапъ и т. п.), бронзовыхъ сосудовъ и т. д. Съ курганами Московской губ. костромскіе выказываютъ сходство въ височныхъ кольцахъ (но въ московскихъ они крупнѣе), многихъ браслетахъ, гривнахъ, ручныхъ кольцахъ и перстняхъ, бусахъ, пуговкахъ, простыхъ лунницахъ, образкахъ, крестахъ и др., но они отличаются большимъ богатствомъ и разнообразіемъ украшеній, въ особенности же изображеній коньковъ и птицъ, почти неизвѣстныхъ въ курганахъ Моск. губ. Можно указать также много сходныхъ предметовъ изъ числа желѣзныхъ и бронзовыхъ, въ томъ числѣ бусъ, привѣсокъ, медальоновъ, изображеній животныхъ и т. д. и въ курганахъ Петербург. губ., но въ общемъ культура послѣднихъ отличается преобладаніемъ другихъ типовъ и большимъ тяготѣніемъ къ Прибалтійской окраинѣ, тогда какъ въ костромскихъ сильнѣе вліяніе Вятско-Камскаго Востока, хотя и съ явственными также слѣдами Кіево-Корсунскаго Юга. Судя по даннымъ исторической этнографіи и топографіи, мы должны принимать въ Костромской губ. первоначально финское населеніе, но въ XI—XII вв. необходимо допустить здѣсь также славянскую колонизацію, которая сказалась въ раскопкахъ Нефедова и присутствіемъ славянской надписи на крестѣ-складнѣ. По обстановкѣ отдѣльныхъ кургановъ трудно однако различить между ними славянскіе и финскіе. Обстановка эта однородна, и присутствіе, напр., крестовъ и образковъ не вносятъ какихъ либо другихъ характерныхъ отличій въ прочихъ предметахъ. Культура населенія была вообще однородна и масса украшеній (привѣсокъ, изображеній, бусъ, диргемовъ, крестовъ, образковъ и т. д.) являлась продуктомъ ввоза изъ тогдашнихъ торговыхъ центровъ, особенно—Болгарь и Кіева.

Въ общемъ, населеніе было еще, несомнѣнно, языческимъ, на что указываетъ уже самый способъ погребеній и обстановка ихъ. Есть основанія также думать, что многочисленныя, находимыя здѣсь изображенія животныхъ и лунницы не были исключительно украшеніями, а имѣли и извѣстный религіозный смыслъ, играли роль шаманскихъ амулетовъ. Но какое же значеніе должны мы придавать тогда христіанскимъ символамъ, крестамъ и образкамъ, встрѣчающимся также въ большомъ количествѣ и свидѣтельствующимъ, несомнѣнно, уже о распространеніи продуктовъ христіанской культуры?

Находки такихъ христіанскихъ символовъ въ древнихъ языческихъ могилахъ стали извѣстны у насъ уже давно, и большинство исследователей видѣло въ нихъ только

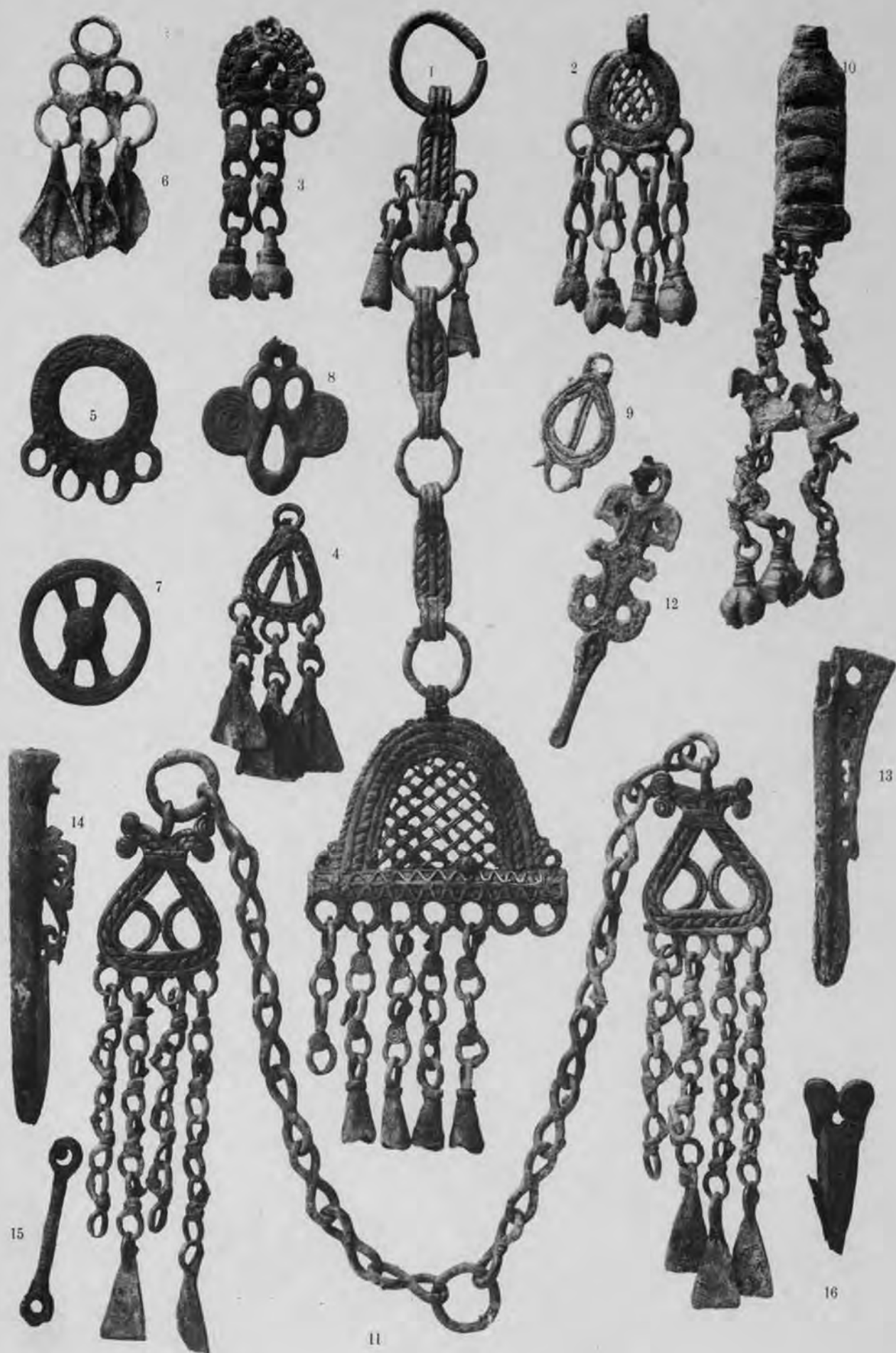
украшения, посвятившая язычниками наравнѣ съ разными другими привѣсками, монетами, бусами и т. д. Такое мнѣніе было высказано, напр., Крузе, описавшимъ въ своихъ „Necrolivonica“ находки въ Ашераденскомъ могильникѣ Ливляндіи, X—XI вв., гдѣ были найдены между прочимъ нѣсколько четырехкопечныхъ крестовъ, отчасти на металлическихъ цѣпочкахъ, отчасти, подобно бусамъ, на шнурахъ или ремешкахъ, иногда рядомъ съ другими привѣсками (въ видѣ птичекъ, сердца, бубенчиковъ и т. п.). Сходные съ этими кресты были найдены впоследствии въ языческихъ могилахъ о-ва Эзеля въ Эстляндіи, а въ послѣднее время въ Земальденскомъ могильникѣ Курляндіи и въ Люцианскомъ—Витебской губ. Гр. Уваровъ, еще въ 50-хъ годахъ, нашелъ многіе кресты и образки въ меряскихъ курганахъ Владимірской и Ярославской губ., между прочимъ и въ могилахъ съ нѣсколькими костяками и въ курганахъ со слѣдами трупосожженія. У одного женскаго остова, напр., были найдены два ожерелья, одно изъ бусъ и круглыхъ серебряныхъ привѣсокъ, а другое изъ четырехъ медальоновъ, въ томъ числѣ три образка (Спасителя, Успѣія и двухъ святыхъ), а четвертый—одинаковой величины, по гладкій бронзовый кружокъ. Въ другой группѣ кургановъ у с. Веськова, изъ 411 кургановъ христіанскіе предметы нашлись только въ трехъ, причѣмъ въ одномъ у остова оказались топоръ, ножикъ и ключъ, а на груди берестяной нагрудникъ, въ которомъ съ одной стороны лежалъ каменный крестъ изъ двухъ шиферныхъ дощечекъ, скрѣпленныхъ бронзовыми гвоздиками, съ вырѣзанными на немъ Распятіемъ и Богородицей, а съ другой стороны нагрудника—особаго рода привѣска съ двумя золотыми бляхами, одна съ изображеніемъ летящей птицы, другая—человѣческаго лица съ усами. Въ одной могилѣ у с. Городище на ожерелья были напязаны: двѣ лушницы, бусы, двѣ монеты Оттона I и бронзовый образокъ съ пояснымъ изображеніемъ святаго. При одномъ остовѣ въ курганѣ у с. Василькова оказался крестъ рядомъ съ диргеомъ. Всѣ эти и подобные имъ случаи привели гр. Уварова къ заключенію, что меряне носили такіе христіанскіе предметы безъ всякаго понятія объ ихъ настоящемъ значеніи, а просто какъ украшения, приобретенныя посредствомъ торговли изъ христіанскихъ странъ.

Въ 60-хъ годахъ нѣсколько крестовъ и образковъ было найдено проф. А. П. Богдановымъ въ курганахъ Московской губ., Ф. Д. Нефедовымъ въ курганахъ Рязан. губ., Каспмов. у., Парахинской вол., г. Ушаковымъ въ курганахъ Мышкинскаго и Углицкаго у., Тверск. губ., В. И. Сизовымъ въ курганахъ Тверскаго у. (между прочимъ, крестъ-складень съ распятіемъ), Л. К. Ивановскимъ и Г. О. Шмидтомъ въ курганахъ Петербург. губ., П. Е. Бранденбургомъ въ южномъ Приладожьѣ, г. Булычевымъ въ курганахъ Жыздринск. у. Калужск. губ. и т. д., причѣмъ всюду мы видимъ повторенія извѣстныхъ типовъ, расходившихся, очевидно, широко, путемъ торговли.

Въ Костромской губ. христіанскіе символы были встрѣчены г. Нефедовымъ, при мѣрпо, въ 45 курганахъ, ничѣмъ особеннымъ не отличавшихся отъ сосѣднихъ кургановъ тѣхъ же группъ. Что эти символы служили предметами украшенія, видно и изъ условій ихъ мѣстопохожденія, напр., на серьгахъ. На пустошѣ Босихѣ (гдѣ въ одномъ курганѣ былъ найденъ описанный выше крестъ-складень) въ другомъ курганѣ, около ушей женскаго остова, оказались колечки съ образками Богоматери, а въ третьемъ—

мѣсто серегъ занимали образки св. Дмитрія Солуцкаго, причемъ на груди былъ найденъ еще образокъ съ двумя святыми. Иногда кресты и образки встрѣчались при костякахъ съ малымъ числомъ вещей, иногда съ большимъ (височными кольцами, бусами, перстнями, браслетами, птичками, коньками и т. д.). Любопытно, что большой одиночный курганъ на р. Черной, Кипешемскаго у., давшій 19 различныхъ украшеній, не заключалъ въ себѣ ни одного христіанскаго предмета.

Для нѣкотораго уясненія того религіознаго состоянія, въ которомъ находилось костромское населеніе X—XII вв., когда въ странѣ уже распространялось христіанское вліяніе, можно обратиться къ русскимъ племеникамъ, у которыхъ болѣе или менѣе номинальное христіанство уживается съ стародавними языческими вѣрованіями. На Нижегородской выставкѣ 1896 г., въ Сибирскомъ отдѣлѣ, среди вещей изъ быта остяковъ, я нашелъ, между прочимъ, длинный шаманскій нагрудникъ изъ кожи, сплошь покрытый бисеромъ, образующимъ разные узоры и обшитый бахромой. На этомъ нагрудникѣ, въ верхней его части, поперекъ, нашитъ рядъ пуговиць, а ниже рядъ изъ четырехъ одинаковыхъ мѣдныхъ крестовъ. Эти кресты, съ врѣзанными въ нихъ другими крестами, прикрѣплены помощью ушковъ и продѣтыхъ сквозь нихъ нитокъ съ бусами. Ниже, приблизительно въ срединѣ нагрудника нашита довольно большая, круглая, мѣдная прорѣзная бляха съ лучами, въ срединѣ которой изображенъ всадникъ. Этотъ сюжетъ довольно обыченъ какъ среди пермскихъ древностей, такъ и среди современныхъ амулетовъ и украшеній угро-финновъ (вогуловъ и остяковъ). Еще ниже, въ нижней трети нагрудника, нашитъ поперечный рядъ изъ такихъ же пяти бляхъ. На другомъ подобномъ нагрудникѣ, вмѣсто крестовъ и бляхъ, нашитъ поперечный рядъ изъ девяти вещей: изъ восьми мѣдныхъ (латунныхъ) медальоновъ или жетоновъ (по 4 съ каждой стороны), а въ срединѣ мѣдное литое кольцо. Жетоны эти русской работы; на одной сторонѣ ихъ изображенъ солдатъ въ каскѣ съ волосатымъ султаномъ, падающій съ ружьемъ на другого солдата въ киверѣ или высокомъ кэпи, въ костюмѣ вродѣ гусарскаго и съ поднятой саблей. Кругомъ надпись: „У русака штыкъ проворней тесака“. На противоположной сторонѣ жетона изображенъ какой-то сидящій воинъ въ шлемѣ, съ вытянутой впередъ ногою и опирающійся одной рукой на копье, другой на саблю. Повидимому, эти жетоны—Николаевскаго времени, можетъ быть, эпохи Венгерской или Крымской кампаніи. Только что описанные нагрудники представляютъ, какъ мнѣ кажется, интересъ въ томъ смыслѣ, что показываютъ, какъ у народа, номинально считающагося христіанскимъ, но въ сущности еще языческаго, христіанскіе кресты употребляются совмѣстно съ языческими символами и замѣняются въ другихъ случаяхъ разными случайно попавшими жетонами чужой (русской) работы. Вмѣстѣ съ тѣмъ, они даютъ новую иллюстрацію къ находкамъ въ древнихъ курганахъ христіанскихъ крестовъ и образковъ, совмѣстно съ коньками, пѣтушками, уточками, разными медальонами, привѣсками, диргемами и т. д.

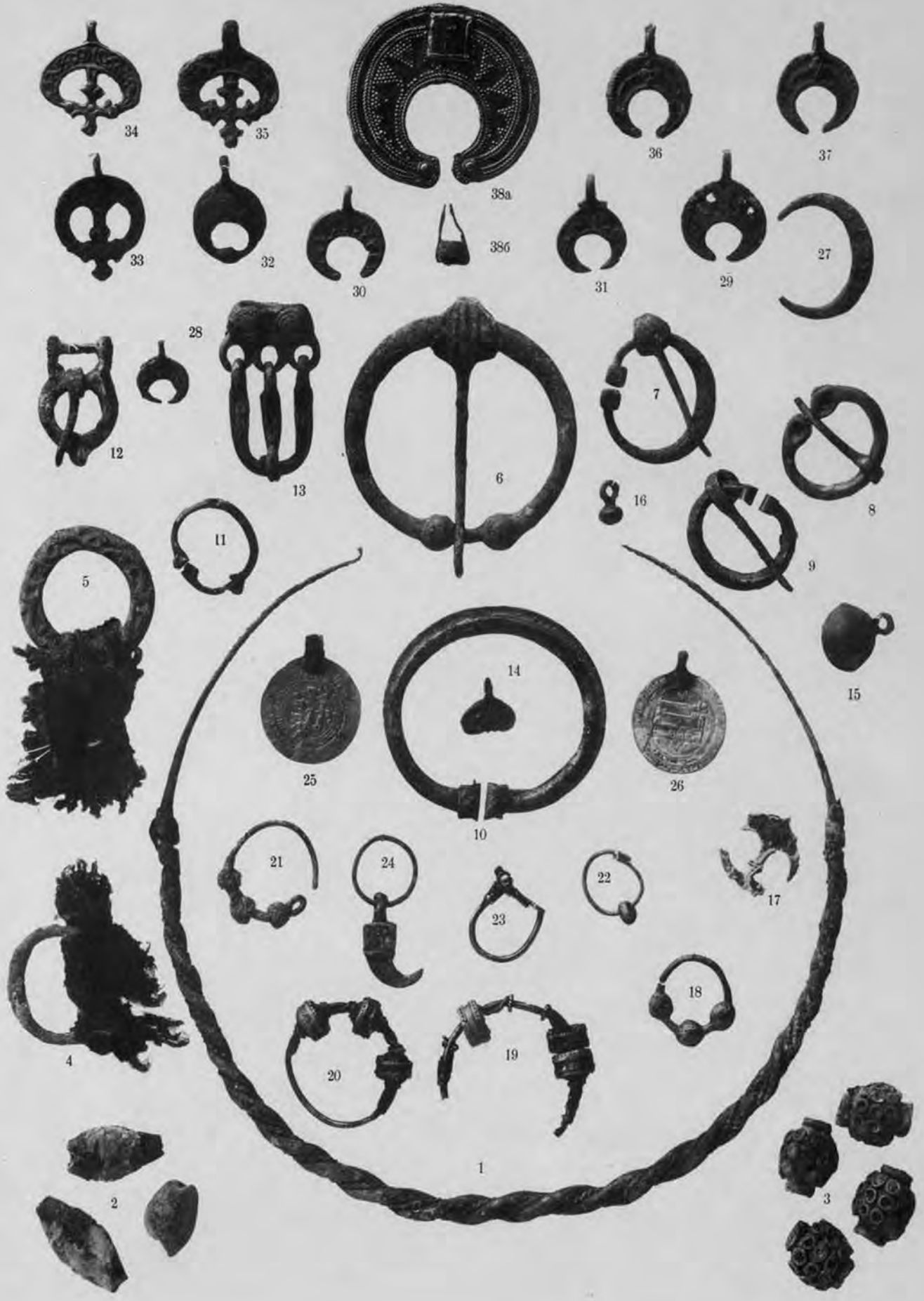
Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. Раскопки Ф. Д. Педфедова, 1895—96 и.

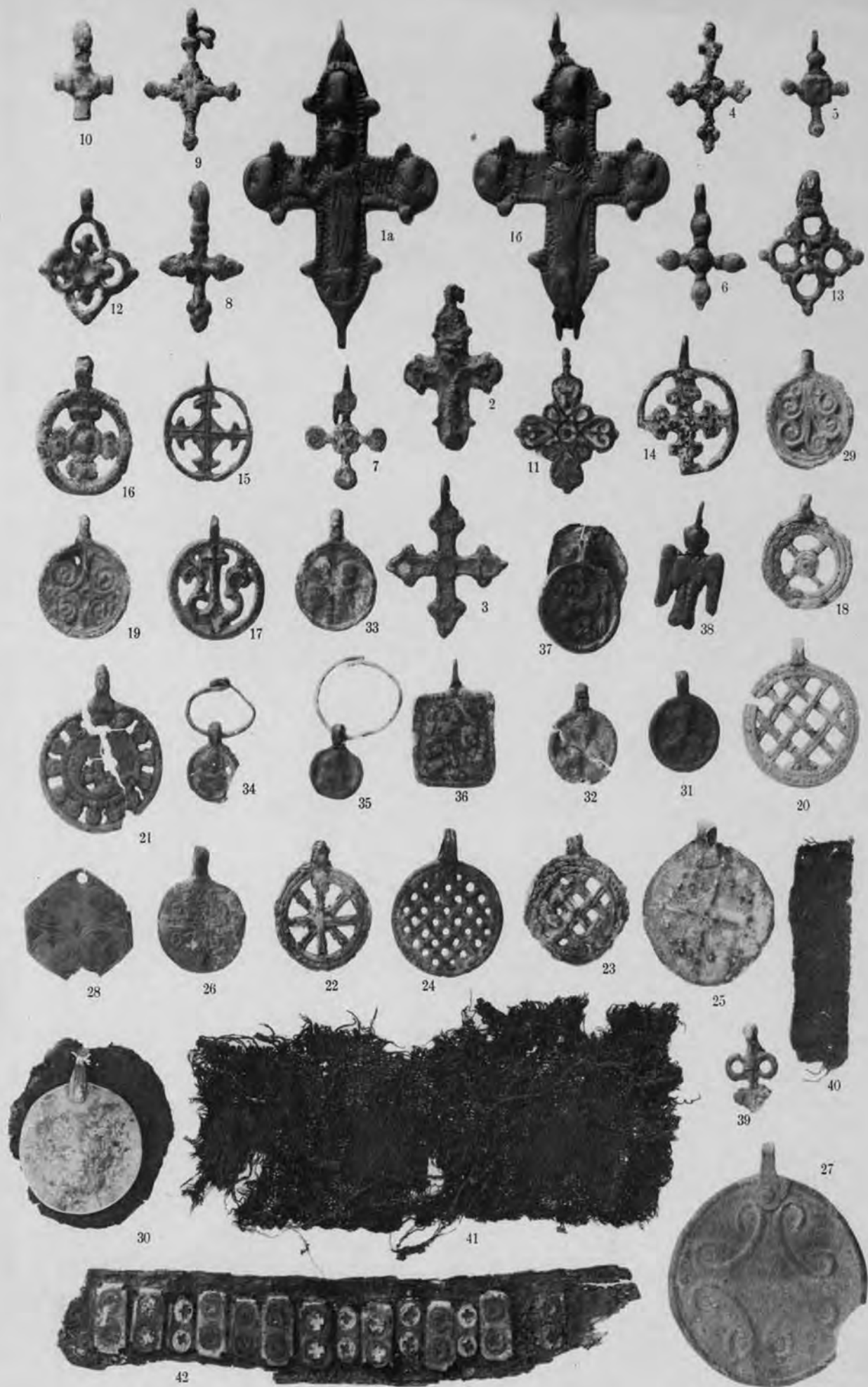
Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 и.

Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 г.

Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 г.

Вещи изъ Костромскихъ кургановъ. Раскопки Ф. Д. Нефедова, 1895—96 и.

2007237483